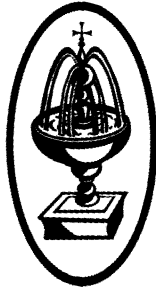

ISTORIJOS ŠALTINIŲ
TYRIMAI

4

LIETUVOS ISTORIJOS INSTITUTAS
VILNIAUS UNIVERSITETAS

ISTORIJOS ŠALTINIŲ TYRIMAI

Sudarė
Artūras Dubonis

4

LI
LEIDYKLA

VILNIUS 2012

Knygos leidybą finansavo

LIETUVOS MOKSLO TARYBA

NACIONALINĖ LITUANISTIKOS PLĖTROS 2009–2015 METŲ PROGRAMA

Sutartis Nr. LIT-5-33

Redaktorių kolegija:

Darius Antanavičius
(Lietuvos istorijos institutas)

Darius Baronas
(Lietuvos istorijos institutas)

Zenonas Butkus
(Vilniaus universitetas)

Artūras Dubonis (pirmininkas)
(Lietuvos istorijos institutas)

Mathias Niendorf
(Kyljo universitetas)

Rimvydas Petrauskas
(Vilniaus universitetas)

Irena Valikonytė
(Vilniaus universitetas)

Visi leidinio straipsniai recenzuoti dviejų mokslininkų

TURINYS

<i>Artūras Dubonis</i> Pratarmė	9
--	---

Straipsniai

<i>Grzegorz Białuński</i> Surwiłłowie. Przykład kariery Litwinów w Prusach	13
The Survila family. An example of lithuanians' career in Prussia. <i>Summary</i>	43
<i>Роман Анатольевич Беспалов</i> Литовско–одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения	45
The Lithuanian-odoyev treaty of 1459: reasons and circumstances surrounding its signing. <i>Summary</i>	62
<i>Laimontas Karalius</i> Kam reikalingos valdovų privilegijos Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje? Lucko miestiečių 1469 m. Kazimiero Jogailaičio privilegijos dėl naujų muitų draudimo Voluinėje teisinis, politinis ir ekonominis kontekstas 1469–1547 m.	63
Who needed sovereign's privileges in The Grand Duchy of Lithuania? Legal, political and economic context of the privileges regarding the ban on the new customs duties in Volhynia issued by Casimir IV Jagiellon to the citizens of Lutsk in 1469 (the period from 1469 to 1547). <i>Summary</i>	90
<i>Irena Valikonytė</i> Priešteisminių dokumentų funkcijos ir likimas Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. viduryje: šaukimų registravimo žurnalai	93
Functions and fate of pre-court documents in The Grand Duchy of Lithuania in the mid-16th century: summons registration journals. <i>Summary</i>	107
<i>Raimonda Ragauskienė</i> XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų archyvo atvejis: Dubrovnos linijos Hlebavičių dokumentų aprašai Lietuvos Metrikoje	109
The case of the noblemen's archive in The Grand Duchy of Lithuania in the 16th century: document inventory of the Dubrovna line of the Hlebowicz family in the Lithuanian Metrica. <i>Summary</i>	131

<i>Darius Antanavičius</i>	
„Cnotliwy Litwin“ (1592 m.) autorius ir teksto šaltiniai	133
The author and sources of the text of <i>Cnotliwy Litwin</i> (1592). <i>Summary</i>	153
<i>Darius Antanavičius</i>	
Originalių Lietuvos Metrikos XVI a. knygų sąrašas	157
The list of the original Lithuanian <i>Metrica</i> books of the 16th century.	
<i>Summary</i>	185
<i>Agnė Railaitė</i>	
Šveikauškų genealoginė savimonė	187
Genealogical identity of the Šveikauškas family. <i>Summary</i>	204
<i>Jonas Drungilas</i>	
Pastabos dėl lenkiškos rašybos Lietuvos Metrikos Užrašymų knygose XVI a. pabaigoje–XVIII a. antrojoje pusėje (remiantis Lazdijų ir Simno miestų aktais)	207
Remarks regarding the polish orthography in the books of inscriptions of the Lithuanian <i>Metrica</i> in the late 16th – second half of the 18th century (based on the acts of Lazdijai and Simnas towns). <i>Summary</i>	229

Diskusija

<i>Aivas Ragauskas</i>	
Žingsnis pirmyn, du atgal? Dėl 1657–1662 m. Vilniaus miesto Tarybos aktų knygos publikacijos	231
One step forward, two steps back? Regarding the publication of the Vilnius book of acts of 1657–1662. <i>Summary</i>	260

Šaltinių publikacijos

<i>Inga Ilarienė</i>	
Nuorašai ne lotynų kalba Lietuvos Metrikos knygoje Nr. 525: 1491 m. Valmieros sutartis	261
Nichtlateinische Abschriften im Buch der Litauischen Metrik N. 525: der Vertrag Von Valmiera 1491. <i>Zusammenfassung</i>	284
<i>Zenonas Butkus, Magnus Ilmjärv</i>	
JAV ambasadoriaus Maskvoje Džozefo E. Deiviso 1937 m. vizito į Baltijos šalis ir Suomiją ataskaitos	285
Reports on the visit of the United States ambassador to Moscow Joseph E. Davies to the Baltic States and Finland in 1937. <i>Summary</i>	312

Anotacijos. Recenzijos

D. Kołodziejczyk, <i>The Crimean Khanate and Poland–Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. (The Ottoman Empire and its Heritage. Politics, Society and Economy, edited by S. Faroqhi, H. İnalcık and B. Ergene, volume 47)</i> , Leiden etc.: Brill, 2011. – XXXVIII, 1098 p., facs. XVII, 2 žemėlapiai – (<i>Eglė Deveikytė</i>)	313
J. Tęgowski, <i>Rodowód kniaziów Świrskich do końca XVI wieku</i> (Biblioteka Genealogiczna, t. 9), Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. – 220 p., lent. – (<i>Rimvydas Petrauskas</i>)	324
<i>Žemaičių vyskupo Kazimiero Paco 1675–1677 m. sudaryti vizitacijų aktai = Acta visitationum sub domino Casimiro Pac episcopo Samogitiae anno 1675 et 1677 conscripta</i> , parengė M. Paknys (serija: <i>Fontes Historiae Lituaniae, Lietuvos istorijos šaltiniai</i> , t. 10), Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 2011. – XIII, 981 [1] p. – (<i>Darius Baronas</i>)	328
<i>Žemaičių vyskupijos vizitacijų aktai (1611–1651 m.) = Acta visitationum dioecesis Samogitiae (A. D. 1611–1651)</i> , parengė L. Jovaiša (serija: <i>Fontes historiae Lituaniae, Lietuvos istorijos šaltiniai</i> , t. 11), Vilnius: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 2011. – 478 p. – (<i>Darius Baronas</i>)	330
Santrumpos	332
Apie autorius	335
Autoriams	337

ЛИТОВСКО–ОДОЕВСКИЙ ДОГОВОР 1459 ГОДА: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРИЧИНЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Роман Анатольевич Беспалов

Договор (докончание) великого князя литовского Казимира с князем Иваном Юрьевичем Новосильским и Одоевским и князьями Федором и Василием Михайловичами Белёвскими от 21 апреля 1459 г. сохранился в составе пятой книги записей Литовской Метрики. Впервые он был опубликован П. А. Мухановым в 1836 г.¹ и затем неоднократно переиздавался. В историографии преимущественно отмечался лишь факт его существования. О причинах его заключения высказывались двое исследователей. По мнению М. М. Крома, между литовско-новосильскими договорами 1442, 1459 и 1483 гг. происходила смена поколений князей новосильского дома (одоевских, воротынских и белёвских)². Однако неучтенным осталось то обстоятельство, что участник договора 1442 г., князь Федор Львович Воротынский, был жив еще в 1480 г.³ Поэтому в исследовании М. М. Крома причина подписания договора 1459 г. осталась невыясненной. В свою очередь А. В. Шеков отметил, что договор 1459 г. был заключен „после разграничения московской и литовской сфер влияния на русских землях по договору 1449 г. и окончанием феодальной войны 1433–1453 гг. в Северо-Восточной Руси“; он мог появиться под влиянием статьи московско-литовского договора 1449 г. о „верховских“ князьях и статьи московско-рязанского договора 1447 г. о новосильских князьях⁴. При этом, однако, ученый не пояснил, какую

¹ *Сборник Муханова*, Москва, 1836, nr. 9, p. 11–12.

² М. М. Кром, *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой половины XVI в.*, Москва, 1995, p. 40.

³ *Сборник Императорского русского исторического общества*, т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1. с 1487 по 1533 год [toliau – *SIRIO*, t. 35], Санкт Петербург, 1892, p. 136.

⁴ А. В. Шеков, „О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV веках“, *Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры*, отв. ред. В. Л. Егоров; сост. А. А. Смирнов (*Труды Государственного исторического музея*, d. 158. *Забелинские научные чтения – 2005*) Москва, 2006, p. 263.

связь он видит между упомянутыми событиями, к тому же отстоящими друг от друга на несколько лет.

В тексте dokonчания 1459 г. определены две заинтересованные в нем стороны – это великий князь литовский Казимир и одоевский князь Иван Юрьевич со своими белёвскими племянниками. Очевидно, причины заключения договора должны скрываться за желанием сторон его подписать. То есть следует искать ответ на вопрос: чем это обоюдное желание было обусловлено?

В отличие от многих других сохранившихся памятников древности, которые освещают историю Новосильско-Одоевского княжества с внешней стороны, литовско-новосильские dokonчания XV в. зафиксировали политику князей новосильского дома непосредственно. Это делает их одним из главных источников для изучения новосильской истории. Из писем великого князя литовского Витовта от 14 августа и сопровождавшего его шута Генне от 15 августа 1427 г. следует, что накануне Витовту присягнули пять князей новосильского дома. По всей видимости, это были: великий князь Юрий Романович со своими детьми, Иваном и Семеном Юрьевичами, а также с двумя воротынскими племянниками – Василием и Федором Львовичами⁵. Белёвские князья, видимо, не присутствовали на встрече с Витовтом. Причиной тому могла быть смерть князя Михаила Васильевича Белёвского, возможно, наступившая до августа 1427 г., и малолетство его сыновей⁶.

В дальнейшем литовско-новосильские договоры заключались по „Витовтову dokonчанию“⁷. Их формуляр сохранялся до конца XV в. почти без изменений. Обязательства сторон имели взаимный характер. Великий князь литовский обязался держать новосильских князей в жаловании и в dokonчании; оборонять их от всякого; а в Новосильско-Одоевскую землю не вступаться. В свою очередь, новосильские князья обязались служить ему честно; быть с ним заодно во внешних политических сношениях. Суд между новосильскими и литовскими порубежниками должен быть честный, без промедления. Следовало соблюдать

⁵ *Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430* [toliaiu – CEV], coll. A. Prochaska, Stasoviae, 1882, nr. 1298, p. 779; nr. 1329, p. 799; Р. А. Беспалов, „Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году“, *Верхнее Подонье. Археология. История*, d. 3, Тула, 2008, p. 256–259.

⁶ Р. А. Беспалов, „К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества»“, *Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов*, d. 12, Брянск, 2010, p. 32–34.

⁷ *Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5 parengė E. Banionis*, Vilnius, 1993, nr. 130, p. 247–248; nr. 137, p. 254–255; *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва–Ленинград, 1950, nr. 39, p. 117–118; nr. 60, p. 192–193; *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией* [toliaiu – AZR], t. 1, Санкт Петербург, 1846, nr. 41, p. 55–56; nr. 63, p. 77–78; nr. 80, p. 100–101; А. У. Казакоў, „Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г.“, *Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы*, Минск, 2010, p. 297–300.

право новосильских князей на самостоятельные порубежные отношения с великим князем московским и великими князьями рязанскими: переяславским и пронским. В случае неразрешимых споров новосильских князей между собой, великий князь литовский обязывался их рассудить. После смерти одного из участников договора – великого князя литовского или старшего в роду новосильских князей – договор мог быть продлен (возобновлен) наследниками литовского и новосильского престолов. В случае отказа литовской стороны от продления договора или в случае невыполнения его условий новосильские князья вместе со своими исконными вотчинами могли выйти из подданства великому князю литовскому. Сохранение исконных вотчин за владельцами гарантировалось и тем, что до конца XV в. старший новосильский князь сохранял за собой ордынский ярлык на Новосильско-Одоевскую землю, что обеспечивало правовой иммунитет от территориальных посягательств соседей⁸.

Витовтово dokonчание 1427 г. было заключено между двумя великими князьями и изначально имело межгосударственный статус. Как отметил М. М. Кром, несколько литовско-новосильских грамот помещено в особом фрагменте пятой книги записей Литовской Метрики (памятник конца XV в. в составе копии конца XVI в.). Они находятся среди договоров Казимира с независимыми от Литвы территориями: с Новгородом, Псковом, молдавскими воеводами, великими князьями московскими и тверскими⁹. С. В. Полехов обратил мое внимание на то, что еще в 1487 г. литовско-новосильские договоры действительно хранились в архиве Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) наряду, например, с литовско-тверскими грамотами¹⁰. Само *Витовтово dokonчание*

⁸ Попытки приобретения великими князьями литовскими ярлыка на Одоев известны. Впервые его получил Свидригайло из рук хана Сеид-Ахмеда в 1434 г. (см. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz [toliau – GStPK], Ordensbriefarchiv [toliau – OBA], 6809; A. Kotzebue, *Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen, Preussen*, Leipzig, 1820, p. 117). Однако после отстранения Свидригайла от власти этот ярлык не нашел своего преемника в Литве. Даже в начале 1470-х гг. у Казимира не было ярлыка на Одоев. В 1473–1474 г. он просил Менгли-Гирея вписать рязанские города и Одоев в ярлык, выданный ранее Литве на иные русские земли. В 1506 г. Менгли-Гирей вспоминал, что он вроде бы исполнил эту просьбу, но в сохранившемся ярлыке, на который он ссылался, вписано только Рязанское панство, а Одоев отсутствует, см. *Lietuvos Metrika. knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8*, parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius, Vilnius, 1995, nr. 24, p. 59; Ł. Gołębiowski, *Dzieje Polski za panowania Jagiellonów*, t. 3: *Dzieje Polski za panowania Kazmirza, Jana Olbrachta i Alexandra*, Warszawa, 1848, p. 232–233. Перейдя на московскую службу в конце XV в., новосильские князья некоторое время по-прежнему сохраняли отношения с Крымской Ордой. Их дарага Бахшеиш стремился самостоятельно получить „пошлину“ с „одоевских городов“ от старшего одоевского князя, см. *SIRIO*, t. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией, t. 1, Санкт Петербург, 1884, p. 269, 306.

⁹ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, p. 244–259; М. М. Кром, *Меж Русью и Литвой*, p. 38–39.

¹⁰ S. C. Rowell, „Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais“, *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.*, parengė Z. Kiaupa ir kt., Vilnius, 1997, p. 72.

зафиксировало отношение великих князей литовских к новосильским князьям как к иноземным. Например, в сохранившихся договорах имеется статья: *а великому князю Казимиру боронити нас (новосильских князей – Р. Б.) от всякого, как и своего. Схожая формулировка содержалась в литовско-псковском и литовско-новгородском докончаниях 1440–х гг.: а мне великому князю Казимиру, блюсти псковитина (или, соответственно, новгородча – Р. Б.), как и своего литвина*¹¹. То есть в ВКЛ новосильские князья не считались *своими*, хотя и находились на литовской службе.

Литовско-рязанские и литовско-новосильский договоры 1427 г. были заключены по схожему формуляру, многие их статьи повторяются слово в слово¹². Это обстоятельство позволяет вычленить статьи, характерные только для литовско-новосильского договора. Среди них следующая: *А ему (великому князю литовскому – Р. Б.) нас (новосильских князей – Р. Б.) во чести и в жалованьи, и в докончании держати. А полетное нам давати по старыне*. В этом фрагменте заключен один из самых привлекательных аспектов службы по *Витовтову докончанию*. В нем установлена связь между жалованьем (милостью) великого князя литовского и обязательством новосильских князей платить ему *полетное* (ежегодную дань). В пересказе условий своего договора с Казимиром князь Семен Федорович Воротынский под жалованьем понимал наделение его литовскими землями (городами), с которых он мог бы служить великому князю литовскому¹³. На примере же смоленских бояр известно, что они платили налоги (посошину) только с *данин* великих литовских князей, а со своих исконных вотчин ничего не платили¹⁴. Следовательно, и новосильские князья должны были платить налоги именно с земель, полученных ими от великого князя литовского¹⁵. То есть *Витовтово докончание* было базовым документом, позволявшим жаловать иноземным новосильским князьям земли из состава ВКЛ. Смысл их приобретенного статуса *служилых князей* заключался в том, что они обязались служить за вознаграждение, которое могло выражаться, видимо, как в денежной форме, так и в наделении их административными должностями и землями, которые приносили бы им доход. С приобретенных *пожалований* в качестве налога они должны были платить в литовскую казну *полетное*. Но чистая прибыль составляла экономическую выгоду и была способна надолго удержать их на службе Литве. *Витовтово докончание* не только накладывало бремя обязательств, но и давало привилегии (мотив для

¹¹ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, под редакцией С. Н. Валка, Москва–Ленинград, 1949, nr. 70, p. 115; nr. 335, p. 322.

¹² *CEV*, nr. 1298, p. 779; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 25, 26, p. 67–68.

¹³ *SIRIO*, t. 35, p. 84.

¹⁴ *AZR*, t. 1, nr. 55, p. 69.

¹⁵ Plačiau P. A. Беспалов, „К вопросу о терминах «верховские князья», p. 35–37.

несения опасной воинской службы). Поэтому далее новосильские князья стали стремиться поступить на литовскую службу именно по *Витовтову докончанию*.

По смерти Витовта князя новосильского дома присягнули на верность великому князю литовскому Свидригайлу, который в своем письме от 22 июня 1432 г. сообщал великому магистру Немецкого ордена:

Мы не хотим скрывать, что великие князья одоевские, братья, вчера прибыли к нам с различными дарами, желали и особенно настойчиво просили, чтобы мы соизволили быть им милостливым господином и покровителем, под присягой клялись служить нам вечные времена¹⁶.

В публикации сочинения А. Коцебу на немецком языке присягнувшие Свидригайлу князья названы *die Grosfürste von Odojow, Gebrüdere*, что является точной цитатой подлинной грамоты¹⁷. Однако, при подготовке русскоязычного издания коллежский асессор Нестерович допустил иной перевод: *великие князья Одоевские, родные братья*, что существенно искажает оригинал¹⁸. Дело в том, что к тому времени титул *одоевских* еще не превратился в фамилию и принадлежал не только потомкам князя Юрия Романовича. С запустением Новосила, к началу XV в. Одоев стал новой столицей княжества. В этой связи в нарративных источниках имя *одоевских*, как и имя *новосильских* могло употребляться в качестве общего родового титула, обозначающего совокупность удельных князей одоевских, воротынских и белёвских. Например, в посольских книгах сношений Москвы с Крымом под 1498 г. отразилось отождествление термина *одоевские князья* с понятием *одоевских городов князи*¹⁹. Они княжили в городах, у которых *Одоевь въ головахъ*²⁰. В летописном рассказе о коронации Витовта выражение *одоевскими князи*, видимо, тоже подразумевает вообще князей новосильского дома²¹. Они стали носить сложносоставные титулы, в которых отражалось право на общее родовое имущество и право на собственный удел. Так, князь Лев Романович из источников известен под

¹⁶ Письмо датировано „am sontag infra octavas Corporis Christi anno domini etc. tricesimo secundo“ – в воскресенье недели праздника Тела и Крови Христовых, год тридцать второй, см. GStPK, OBA, 6138. Цитируется с учетом уточнений датировки и перевода письма, выполненных С. В. Полеховым, которому я выражаю искреннюю признательность за предоставление оригинала.

¹⁷ А. Kotzebue, *op. cit.*, p. 75.

¹⁸ А. Коцебу, *Свидригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской*, Санкт Петербург, 1835, p. 127.

¹⁹ SIRIO, t. 41, p. 269.

²⁰ SIRIO, t. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею 1508–1521 гг., т. 2, Санкт Петербург, 1895, p. 154.

²¹ *Полное собрание русских летописей* [toliaiu – PSRL], t. 35, Москва, 1980, p. 34, 57, 75, 106, 140–141, 162–163, 188–189, 209, 230–231.

титолом *новосильского*²²; князь Федор Львович – под титулами *новосильского и одоевского* или же *воротынского*²³; его дети – под титулами *новосильских и одоевских и воротынских* или просто *воротынских*²⁴. В письме от 14 августа 1427 г. Витовт упоминал сыновей и вдову князя Льва Романовича с титулом *von Wrotynsk etc.*²⁵, где слово *et c[etera]* указывает на сокращение сложносоставного титула воротынских князей. Из них князь Василий Львович поступил на службу к Свидригайлу и затем в декабре 1432 г. погиб в битве при Ошмянах²⁶. Поэтому следует полагать, что в письме Свидригайла от 22 июня 1432 г. под именем *одоевских* подразумевались и воротынские князья.

М. М. Кром заметил, что с некоторых пор договорные грамоты удельных воротынских и удельных одоевских князей с Литвой стали заключаться независимо друг от друга. Причем каждая ветвь принимала во внимание только свои предыдущие dokonчания²⁷. Обратим внимание на то, что в письме Свидригайла *великие князья одоевские, братья* названы во множественном числе. То есть к 1432 г. в роду новосильских был не один, а, по меньшей мере, два *великих князя*. Должно быть, к этому времени великого князя Юрия Романовича уже не было в живых, и возникла практика заключения двух литовско-новосильских договоров следующим поколением новосильских князей. *Витовтово dokonчание* распалось на две ветви: литовско-одоевскую и отделившуюся литовско-воротынскую.

С великим князем литовским Жигимонтом новосильские князья, видимо, не имели договорных отношений. В 1440 г. великим князем литовским стал Казимир. Вскоре после прекращения разразившихся было в Литве междоусобиц, 20 февраля 1442 г. князь Федор Львович возобновил с ним отношения по *Витовтово dokonчанию*²⁸. По смерти князя Федора Львовича (осень 1480 г.–осень

²² Филарет, архиепископ, *Историко-статистическое описание Черниговской епархии*, кн. 5, Чернигов, 1874, р. 44; О. Кузьмук, „Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври“, *Лаврський альманах*, d. 18. Київ, 2007, р. 19; *Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся*, d. 6, изд. Н. Новиков, Москва, 1788, р. 447.

²³ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 130–132, p. 247–249; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 39, p. 117–118; nr. 49, p. 149; nr. 50, p. 149–150; *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Užrašymų knyga 3*, parengė L. Anužytė ir A. Baliulis, Vilnius, 1998, p. 37, 39; *Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археологическою комиссиею (Литовская метрика, от. 1, ч. 1: книги записей, т. 1) [toliau – RIB]*, t. 27, Санкт Петербург, 1910, stulp. 47, 48, 52.

²⁴ *AZR*, t. 1, nr. 80, p. 100–101; *SIRIO*, t. 35, p. 20, 21, 35 ir t. t.

²⁵ *CEV*, nr. 1298, p. 779.

²⁶ *Редкие источники по истории России*, d. 2: Новые родословные книги XVI в., подг. З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова, Москва, 1977, р. 43.

²⁷ М. М. Кром, *op. cit.*, p. 39–41.

²⁸ Грамота датирована „под леты Рожества Хр(и)с(то)ва 1447, м(е)с(я)ца фев(ра)ля 20 день, индик 5.“ То же в латинском списке грамоты: „Anno a Nativitate Domini 1447, mensis Februarii 20 die, indictione quinta.“ Здесь год не соответствует индикту. Начиная с публикации И. И. Гри-

1482 г.)²⁹, его потомки стали его преемниками в отношениях с Казимиром и 10 апреля 1483 г. заключили с ним новый договор³⁰. После смерти Казимира (7 июня 1492 г.), князь Семен Федорович Воротынский предпринял безуспешную попытку возобновить литовско-воротынский договор с великим князем литовским Александром³¹. То есть на всем протяжении обозримой истории порядок возобновления литовско-воротынских договоров *по смерти одного из его участников* сохранялся. То же следовало бы ожидать и от заключения литовско-одоевской ветви договоров. Однако из этой общей схемы выпадает договор князя Ивана Юрьевича Одоевского с Казимиром от 21 апреля 1459 г.³² Дата его заключения отстоит от начала правления Казимира на 19 лет. По смерти же князя Ивана Юрьевича (14 марта 1477 г.³³ – начало 1481 г.) порядок заключения литовско-одоевских договоров восстановился – 26 января 1481 г. его сыновья стали его преемниками в отношениях с Литвой, заключив с Казимиром новый договор³⁴.

горовича (1846 г.) в российской, а затем и в советской историографии, грамоту было принято датировать 20 февраля 1442 г. (индикт 5) (жр. *AZR*, t. 1, nr. 41, p. 55–56; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 39, p. 117–118). В публикации Ю. Шуйского и в публикации Э. Баниониса за основу датировки предложено брать 20 февраля 1447 г., что не соответствует 5 индикту (жр. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti*, t. 1, nr. 2, collectus opera A. Sokołowski, J. Szujski (*Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae illustrantia*, t. 2), Cracoviae, 1876, nr. 8, p. 13–14; *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 130, p. 247–248). Порядок заключения литовско-новосильских договоров, установленный в 1427 г., склоняет к тому, чтобы датировать этот договор 1442 г. Применение индиктов для датировки актов было вполне обычным. Необычным же для русских актов и в частности для литовско-новосильских договоров является датировка в западной традиции „под леты Рождества Хр(и)с(то)ва“, а не от Сотворения Мира. Она говорит о том, что составитель грамоты был католиком. Очевидно, в утраченном оригинале год был указан римскими цифрами MCCCXLVII, но должно быть MCCCXLII. Видимо, случайный знак или помарка в оригинале в виде – „V“ перед „II“ при копировании грамоты мог быть воспринят за цифру „VII“, отсюда расхождение даты на пять лет: вместо 1442 – ошибочно 1447.

²⁹ Князь Федор Воротынский был жив еще осенью 1480 г., „коли царь [Ахмат] быль на Угре“, жр. *SIRIO*, t. 35, p. 136. Видимо, во время похода воротынских князей для обороны Киевской земли от татар осенью 1482 г. имя князя Федора Воротынского было внесено в синодик Киево-Печерской лавры, жр. И. Каманин, „Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г.“, *Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов*, d. 2, Киев, 1916, p. 6; С. Голубев, „Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия)“, *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца*, кн. 6, Приложение, Киев, 1892, p. 31.

³⁰ *AZR*, t. 1, nr. 80, p. 100–101.

³¹ *SIRIO*, t. 35, p. 84.

³² *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 137, p. 254–255; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 60, p. 192–193.

³³ Последнее прижизненное упоминание о князе Иване Юрьевиче Одоевском см. Леонид, архимандрит, „Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря“, *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, кн. 4, V смесь, Москва, 1875, p. 106–107.

³⁴ А. У. Казакоў, „Невядомае даканчанне караля“, p. 297–300.

Итак, в 1442 г. великий князь литовский Казимир возобновил лишь один литовско-новосильский договор со старшим князем новосильского дома, без упоминания его родственников. Федор Львович имел титул князя *новосильского и одоевского*, но далее в сношениях с Литвой использовал титул князя *воротынского* и в большей степени проявлял заботу лишь о своем семействе. На литовской службе он получил от Казимира ряд *пожалований*. В период с 1442 по 1448 гг. приобрел волость Демену³⁵. Затем по грамоте от 5 февраля 1448 г. получил Козельск в наместничество³⁶. По грамоте от 10 февраля 1448 г. получил в вотчину королевский двор Немчиновское в Смоленске; волости Городечну с Колуговичами, Ужеперет, Ковыльну; а также закрепил во владении Демену со Снопотом³⁷. В период с 1448 по 1455 гг. он получил в вотчину город Перемышль и волости: Озереск, Крайшино, Лагинеск и Кцин³⁸. Доходы князя Федора Львовича существенно увеличились, что должно было выделяться на фоне состоятельности его родственников, не имевших столь внушительных дополнительных источников дохода. Кроме того, воротынский князь заботился об укреплении связей с московскими порубежниками, и до 1448 г. выдал свою дочь за князя Ивана Андреевича Можайского. Воротынско-можайский союз был очень влиятельным и амбициозным. Так, в его рамках в состав ВКЛ был передан Козельск; вынашивался заговор против Василия II; вероятно, существовал договор о совместной обороне от набегов татар³⁹. Судя по этим косвенным признакам, к 1440-м гг. и внутри Новосильско-Одоевского княжества власть была консолидирована в руках князя Федора Львовича. Должно быть, младшие родичи вынуждены были ему подчиняться. Во всяком случае, судя по тексту московско-рязанского докончания, к 20 июля 1447 г. никто из новосильских князей не находился на службе у Василия II⁴⁰.

С окончанием в Великом княжестве Московском войны 1433–1453 гг. геополитическая ситуация в верховьях Оки изменилась. Вина за ослепление Василия II в 1446 г. лежала не только на его поверженном противнике князе Дмитрие Шемяке, но и на князе Иване Андреевиче Можайском⁴¹. В 1454 г. под угрозой расправы можайский князь вместе с женою и детьми был вынуж-

³⁵ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3*, p. 37; *RIB*, t. 27, stulp. 47.

³⁶ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 131, p. 248; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 39, p. 117–118.

³⁷ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3*, p. 37; *RIB*, t. 27, stulp. 48; О принадлежности Снопота к Демене, *жр. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3*, p. 45; *RIB*, t. 27, stulp. 68.

³⁸ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3*, p. 39; *RIB*, t. 27, stulp. 52.

³⁹ *Духовные и договорные грамоты*, nr. 50, p. 149–150.

⁴⁰ В 1447 г., следуя формуляру предыдущих московско-рязанских договоров, великие князья московский и рязанский оговаривали свое отношение к новосильским князьям: в том случае, если в будущем новосильские князья „бьют челом“ Василию II, Иван Федорович Рязанский обязался „взять с ними любовь по тому ж“, *жр. ten pat*, nr. 47, p. 144.

⁴¹ *PSRL*, t. 25, Москва-Ленинград, 1949, p. 264–266.

жден бежать в Литву⁴². В результате ликвидации Можайского удела к северу от Новосильско-Одоевского княжества в руки Василия II перешла обширная территория от Калуги до Алексина⁴³. Несомненно, это наносило удар по региональной политике князя Федора Львовича. Не исключено, что и внутри рода новосильских князей его позиции ослабли. Весной 1455 г. в результате какой-то необходимости он предпринял попытку закрепить за своими детьми литовские *пожалования*. Казалось бы, он владел ими на вотчинном праве, но этого ему показалось мало. Он обратился к великому князю литовскому и указал на то, что в прежних жалованных грамотах его *детей не писано*. В ответ Казимир подтвердил все свои *пожалования* князю Федору Львовичу и его детям⁴⁴. Следует ли полагать, что в семействе воротынских князей возникли опасения, что приобретенные ими на литовской службе землевладения могут быть утрачены?

К концу 1450-х гг. князь Иван Юрьевич Одоевский уже явно претендовал на самостоятельные отношения с великим князем литовским. Это право он мог аргументировать договором 1427 г., участником которого являлся, а также прецедентом 1432 г., когда литовско-одоевский и литовско-воротынский договоры впервые стали существовать отдельно друг от друга. Наконец, 21 апреля 1459 г. князь Иван Юрьевич вместе со своими белёвскими племянниками Федором и Василием Михайловичами бил челом Казимиру, и был принят в докончание с Литвой⁴⁵. Вслед за тем между князьями новосильского дома произошло некоторое перераспределение литовских *пожалований*. В посольских книгах дипломатических сношений Москвы с Литвой в акте от 10 мая 1497 г. сохранилось свидетельство о том, что некогда Казимир *подавал* князю Ивану Юрьевичу Одоевскому, а по его смерти и его детям Михаилу и Федору Ивановичам *села Смоленского повету на имя Местилово, а Кцинь, а Хвостовичи*⁴⁶. На переговорах же о заключении московско-литовского договора о мире 1494 г. выяснилось, что деменскую волость Снопот и городеченскую волость Чернятичи держал князь Федор Иванович Одоевский, несмотря на то, что у князя Семена Федоровича Воротынского хранилась грамота Казимира о пожаловании Снопота и Городечны его отцу князю Федору Львовичу⁴⁷. Что же заставило Казимира передать князю Ивану Юрьевичу часть волостей, которые ранее были пожалованы в вотчину воротынскому князю?

⁴² Ten pat, p. 273.

⁴³ *Духовные и договорные грамоты*, nr. 61, p. 194.

⁴⁴ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3*, p. 39; *RIB*, t. 27, stulp. 52.

⁴⁵ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 137, p. 254–255; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 60, p. 192–193.

⁴⁶ В указателях к *SIRIO* неверно указано, что эти волости были пожалованы князю Ивану Семеновичу – сыну князя Семена Юрьевича Одоевского, *žr. SIRIO*, t. 35, p. 232; *Rodyklė*, stulp. 44.

⁴⁷ Ten pat, p. 136.

Вряд ли князь Федор Львович добровольно отказался от волостей Кцина, Снопота и Чернятичей, которые еще недавно так ревностно отстаивал. По всей видимости, какие-то права на них заявил сам князь Иван Юрьевич. Это становилось возможным именно с заключением литовско-одоевского договора 1459 г., который содержал традиционную для таких грамот статью:

И о чомъ коли сами промежу себе князи новосилский сопремся, и нам по-
ложыти на своего г(о)с(по)д(а)ра, короля и великого князя Казимира, и королю
и великому кн(я)зю Казимиру межы насъ то управити.

Как справедливо заметил М. М. Кром, формуляр литовско-новосильских договоров на протяжении XV в. практически не менялся, а многие статьи сохранились в прежнем, архаичном виде⁴⁸. Судя по литовско-воротынским договорам 1442 и 1483 гг., первоначально обстоятельства заключения таких докончаний описывалось следующим образом: *били есмо чолом великому князю литовскому <имя>, ижъбы нас прынял у службу. И великий князь литовский <имя> нас пожаловал, прынял у службу*⁴⁹. Но в литовско-одоевских договорах, начиная с 1459 г., произошло существенное изменение: *<...> насъ, слугъ своих, пожаловал, прынял у службу*⁵⁰. Князь Иван Юрьевич со своими белёвскими племянниками называли себя *слугами* Казимира, подчеркивая, что еще накануне заключения договора 1459 г. служили Литве⁵¹. Эта служба протекала без *пожалования по Витовтову докончанию*. Примечательно, что переданные одоевскому князю Снопот и Чернятичи в источниках названы не самостоятельными, а подчиненными волостям князя Федора Львовича. Поэтому не исключено, что в период с 1442 по 1459 гг. в рамках единственного литовско-новосильского (по сути, литовско-воротынского) договора именно князь Федор Львович, как старший в роду, привлекал своих младших родичей к литовской службе. В таком случае в качестве вознаграждения он должен был давать им волости, с которых бы они служили Литве под его началом. Но как только князь Иван Юрьевич вступил в самостоятельные отношения с великим князем литовским, он стал претендовать на эту долю литовских землевладений своего воротынского родича. Во всяком случае, литовско-одоевский договор 1459 г. обеспечил возможность дополнительного дохода семейству князя Ивана Юрьевича на литовской

⁴⁸ М. М. Кром, *op. cit.*, p. 38.

⁴⁹ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 130, p. 247; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 39, p. 117–118; *AZR*, t. 1, nr. 80, p. 100.

⁵⁰ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, nr. 137, p. 254; *Духовные и договорные грамоты*, nr. 60, p. 192.

⁵¹ Аналогичный пример отразился в литовско-рязанских договорах 1427 г., в которых рязанские князья обращаются к Витовту: „господину, осподарю моему, великому князю Витовту“, см. *Духовные и договорные грамоты*, nr. 25, 26, p. 67–68. Они называли его *своим господарем*, поскольку подчинялись ему еще накануне (жг. *Сев*, nr. 1181, p. 688). Новосильские же князья поступали на литовскую службу впервые, и во время заключения договора 1427 г. не могли называть Витовта *своим господарем*, а себя – *его слугами*.

службе независимо от семейства князя Федора Львовича. К волостям Кцину, Снопоту и Чернятичам князь Иван Юрьевич получил от Казимира Местилово и Хвастовичи. Позже территория литовских *пожалований* одоевским князьям значительно увеличилась⁵². Белёвские князья тоже получили какие-то литовские волости или села⁵³.

Казалось бы, сохранившиеся источники указывают на распад *новосильской княжеской корпорации* к середине XV в. Эта оценка долгое время доминировала в историографии⁵⁴. Однако А. В. Шеков справедливо указал на то, что с другой стороны, „реликты единства Новосильского княжества продолжали существовать и во второй половине XV в.“ Имеются свидетельства его сплоченности не только политической, но и территориальной⁵⁵. Зачастую исследователи упускали из вида, что литовско-новосильские договоры нужно рассматривать не только в политической, но и в экономической плоскости. *Витовтово dokonчание* изначально было связано с приобретением новосильскими князьями доходов в качестве вознаграждения за свою службу Литве. Поэтому можно думать, что разделение договора 1427 г. на две ветви было обусловлено не столько политическим расколом в роду новосильских князей, сколько стремлением воротынских (в 1432 г.) и одоевских (в 1459 г.) князей персонифицировать литовские *пожалования* и распределять их внутри своих кланов. При этом, находясь на литовской службе, они продолжали выступать сообща⁵⁶.

Итак, стремление одоевских и белёвских князей поступить на литовскую службу по *Витовтову dokonчанию* вполне объяснимо. Однако ранее великий князь литовский Казимир довольствовался лишь одним литовско-новосильским (по сути, литовско-воротынским) договором и не оправдывал ожиданий князя Ивана Юрьевича и его белёвских племянников. Что же побудило Казимира к заключению особого литовско-одоевского договора именно в апреле 1459 г.?

⁵² Упоминания о других литовских *пожалованиях* потомкам князя Ивана Юрьевича, жг. *RIB*, t. 27, nr. 131, stulp. 650–653; nr. 133, stulp. 665–666; *Акты Литовской метрики* [toliaiu – *ALM*], t. 1, d. 1: 1413–1498 гг., собраны Ф. И. Леонтовичем, Варшава, 1896, nr. 207, p. 81; nr. 238, p. 93; nr. 245, p. 95; nr. 251, p. 97; *ALM*, t. 1, d. 2: 1499–1507 гг., собраны Ф. И. Леонтовичем, Варшава, 1897, nr. 623, p. 103; *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6*, parengė A. Baliulis, Vilnius, 2007, nr. 122, p. 115; nr. 143, p. 123; nr. 243, p. 166–168; nr. 277, p. 184; nr. 477, p. 281.

⁵³ *SIRIO*, t. 35, p. 48.

⁵⁴ Pavyzdžiui, S. M. Kuczyński, *Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy*, Warszawa, 1936, p. 131; Е. И. Колычева, „Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в.“, *Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти академика Л. В. Черепнина*, d. 1, Москва, 1994, p. 204–205.

⁵⁵ А. В. Шеков, „О системе наследования“, p. 263–265.

⁵⁶ Так, в 1432 г. одновременно были заключены литовско-одоевский и литовско-воротынский договоры (см. выше). В 1482 г., имея отдельные друг от друга договоры с Казимиром, воротынские и одоевские князья вместе ходили оборонять Киевскую землю от набега крымских татар, жг. И. Каманин, „Сообщение послов“, p. 6.

В это время происходили крупные перемены в жизни церковной, которые напрямую касались территории Северо-Восточной Черниговщины (Верхнего Поочья). В 1458 г. папа Каллист III совместно с изгнанным константинопольским патриархом-униатом Григорием III Маммой и с согласия изгнанного митрополита Киевского и всея Руси Исидора инициировали разделение митрополии Киевской и всея Руси. По их замыслу в состав митрополии Киевской, Литовской и всея Руси должны были войти восемь епархий, в том числе и Брянская (Чернигово-Брянская с кафедрой в Брянске), в состав которой входила обширная территория в верховьях Оки. На митрополичью кафедру был выдвинут Григорий (Болгарин). 3 сентября 1458 г. он получил ставленую грамоту⁵⁷. 13 октября Исидор передал новому претенденту свои святительские обязанности и в отношении московской части митрополии⁵⁸. 20 декабря 1458 г., Григорий (Болгарин), уже именуя себя архиепископом Киевским и всея Руси, просил покровительства Казимира⁵⁹. В свою очередь митрополит Иона обратился с окружным посланием к православной пастве ВКЛ, призывая не принимать единомышленников Исидора⁶⁰, а Василий II направил послов к Казимиру, предлагая ему не принимать митрополита из Рима⁶¹. Однако по прибытии Григория (Болгарина) Казимир оказал ему полную поддержку и направил Василию II встречное послание с просьбой о его принятии вместо престарелого митрополита Ионы. В дальнейшем непримиримая позиция сторон привела к разделению митрополии Киевской и всея Руси на литовскую и московскую части⁶².

К началу 1459 г. неизбежность церковного конфликта стала очевидной. В перспективе это самым пагубным образом могло отразиться на состоянии дел в Брянской епархии. С середины XIV в. Брянск находился под властью ВКЛ⁶³. Однако обширная Брянская епархия в своей северо-восточной части простиралась до Калуги и Тарусы и в верховьях Оки частично входила в сферу политического влияния Москвы. В годы предыдущих расколов митрополии Киевской и всея

⁵⁷ A. Prochaska, „Nieznane dokumenty do unji Florenckiej w Polsce“, *Ateneum Wileńskie*, t. 1, s. 1, Wilno, 1923, p. 66–69.

⁵⁸ *Русский феодальный архив XIV–первой трети XVI века* [toliau – RFA], d. 4, Москва, 1988, p. 896.

⁵⁹ A. Prochaska, „Nieznane dokumenta“, p. 73–74.

⁶⁰ О. А. Абеленцева, *Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви*, Санкт-Петербург, 2009, приложение 46, p. 417–422. О датировке грамоты см. RFA, d. 4, p. 894–896.

⁶¹ *RIB*, t. 6 (*Памятники древне-русского канонического права*, d. 1: Памятники XI–XV вв.), Санкт-Петербург, 1908, nr. 100, stulp. 708–709.

⁶² *PSRL*, t. 6, Москва, 2001, stulp. 101–102. Подробнее о разделении митрополии Киевской и всея Руси, жг. Б. Н. Флоря, *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*, Москва, 2007, p. 415–420; О. А. Абеленцева, *op. cit.*, p. 252–273.

⁶³ *PSRL*, t. 15, d. 1, Москва, 2000, stulp. 65.

Руси это обстоятельство приводило не только к церковной борьбе за влияние в Брянской епархии, но и к вооруженным конфликтам в Северо-Восточной Черниговщине. Так, до июля 1361 г. литовский митрополит Роман самовольно овладел брянской кафедрой и побудил великого князя литовского Ольгерда к нападению на митрополичье владение Алексин⁶⁴. Во время литовско-московской войны 1368–1372 гг. митрополит Алексей был опекуном московской великокняжеской власти. По его благословию в 1370 г. московские войска ходили *воевать Брянска*⁶⁵. При этом были захвачены крепости Калуга, Мценск, отнято княжение у зятя Ольгерда – князя Иоанна Новосильского, освобожден от литовской присяги князь Иоанн Козельский. Не случайно в 1371 г. Ольгерд просил у патриарха нового разделения митрополии⁶⁶. Во время войны 1408 г. в отсутствие митрополита Киевского и всея Руси брянский владыка Исакий вместе с мятежным князем Свидригайлом вывели в Москву с территории Брянской епархии множество литовских подданных: бояр черниговских, брянских, пувильских, стародубских, мценских, любутских, многих князей западной части Верхнего Поочья⁶⁷. Исакий был поставлен в 1390 г. митрополитом Киприаном, который умер в 1406 г.⁶⁸ С 1410 г. Исакий некоторое время подчинялся новому митрополиту Фотию. Но затем во время раскола митрополии Киевской и всея Руси 1414–1420 гг. склонился на сторону племянника Киприана – Григория Цамблака, выдвинутого в литовские митрополиты. В ответ московская сторона организовала поход можайских войск на Мценск, и 7 июня 1415 г. мецняне были приведены к покорности митрополиту Фотию⁶⁹. Имея такой исторический опыт, Казимир и его окружение должны были понимать, что новое разделение митрополии Киевской и всея Руси повлечет за собой разделение Брянской епархии. Вопрос состоял только в том, по какому рубежу оно пройдет.

Во второй половине 1459 г. митрополит Иона, в частности, писал брянскому епископу Евфимию:

⁶⁴ *RIB*, t. 6, приложение, nr. 13, stulp. 75–80; nr. 14, stulp. 85–88. Алексин был *куплей* митрополита Петра (1308–1328 гг.). Из источников неизвестно, у кого он был приобретен, но, очевидно, входил в состав Брянской епархии, *жг. Акты феодального землевладения и хозяйства*, d. 1, Москва, 1951, nr. 1, p. 23; *PSRL*, t. 10, Москва, 2000, p. 220.

⁶⁵ *PSRL*, t. 15, d. 1, stulp. 92.

⁶⁶ *RIB*, t. 6, приложение, nr. 24, stulp. 135–140; nr. 25, stulp. 145–148.

⁶⁷ *PSRL*, t. 25, p. 237; *PSRL*, t. 6, stulp. 28–29; М. Е. Бычкова, *Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник*, Москва, 1975, p. 74.

⁶⁸ *PSRL*, t. 18, Москва, 2007, p. 139–140; *PSRL*, t. 15, d. 1, stulp. 157–158.

⁶⁹ Р. А. Беспалов, „Опыт исследования «Сказания о крещении мецнян в 1415 году» в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья“, *Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7–9 апреля 2009 г.*, Калуга, 2009, p. 27–34.

а отъ кого, сыну, будетъ тебе о томъ какова нужда, и ты бы, по своему къ намъ исповеданию и обещанию, не принимая того пришедшаго отъ римския церкви, ни иного кого, поставленаго от латыньства, и не приобщаяся ни въ чемъ, да поехалъ оттоле и былъ ко мнѣ⁷⁰.

Сохранился формулярный извод письма, автором которого ряд исследователей считает преемника Ионы – митрополита Феодосия, а адресантом – брянского владыку Евфимия⁷¹. Если такая атрибуция верна, то, согласно этому источнику, в начале 1460-х гг. Евфимий противостоял митрополиту Григорию (Болгарину) и терпел от него притеснения. Одновременно через посредничество митрополита Феодосия Евфимий запрашивал у великого князя московского достойное место для своей дальнейшей службы. Незадолго до сентября 1464 г. он получил положительный ответ и предложение немедленно прибыть в Москву. С собой владыка Евфимий вывез какие-то *списки и грамоты владычные*⁷², которые, вероятно, составляли предмет его территориальных притязаний. Когда митрополит Феодосий оставил кафедру, то 13 ноября 1464 г. епископы избрали новым митрополитом суздальского владыку Филиппа⁷³. Евфимий же получил в управление Суздальскую епархию. Согласно Типографской летописи, *пребегже на Москву Еуфимей, епископ брянский и черниговский, покиня свою епископью. И даша емоу Соуждалъ и Колугу, и Торусоу*⁷⁴. В итоге часть расколовшейся Брянской епархии, которая находилась в подчинении великого князя московского, была присоединена к епархии Суздальской⁷⁵.

Несмотря на очевидное стремление одоевских и белёвских князей получить новые источники дохода на литовской службе, для них маятник истории

⁷⁰ RIB, t. 6, nr. 88. II, stulp. 664–670. По мнению ряда ученых, письмо следует датировать периодом с июля–августа до 13 декабря 1459 г., *жг. RFA, d. 5*, Москва, 1992, р. 949–950; О. А. Абеленцева, *op. cit.*, р. 262–263; приложение nr. 49, р. 427–430.

⁷¹ RFA, d. 1, Москва, 1986, nr. 52, р. 189–190; RFA, d. 5, р. 1000–1001.

⁷² SIRIO, t. 35, р. 134.

⁷³ PSRL, t. 25, р. 278–279.

⁷⁴ PSRL, t. 24, Москва, 2000, р. 185–186.

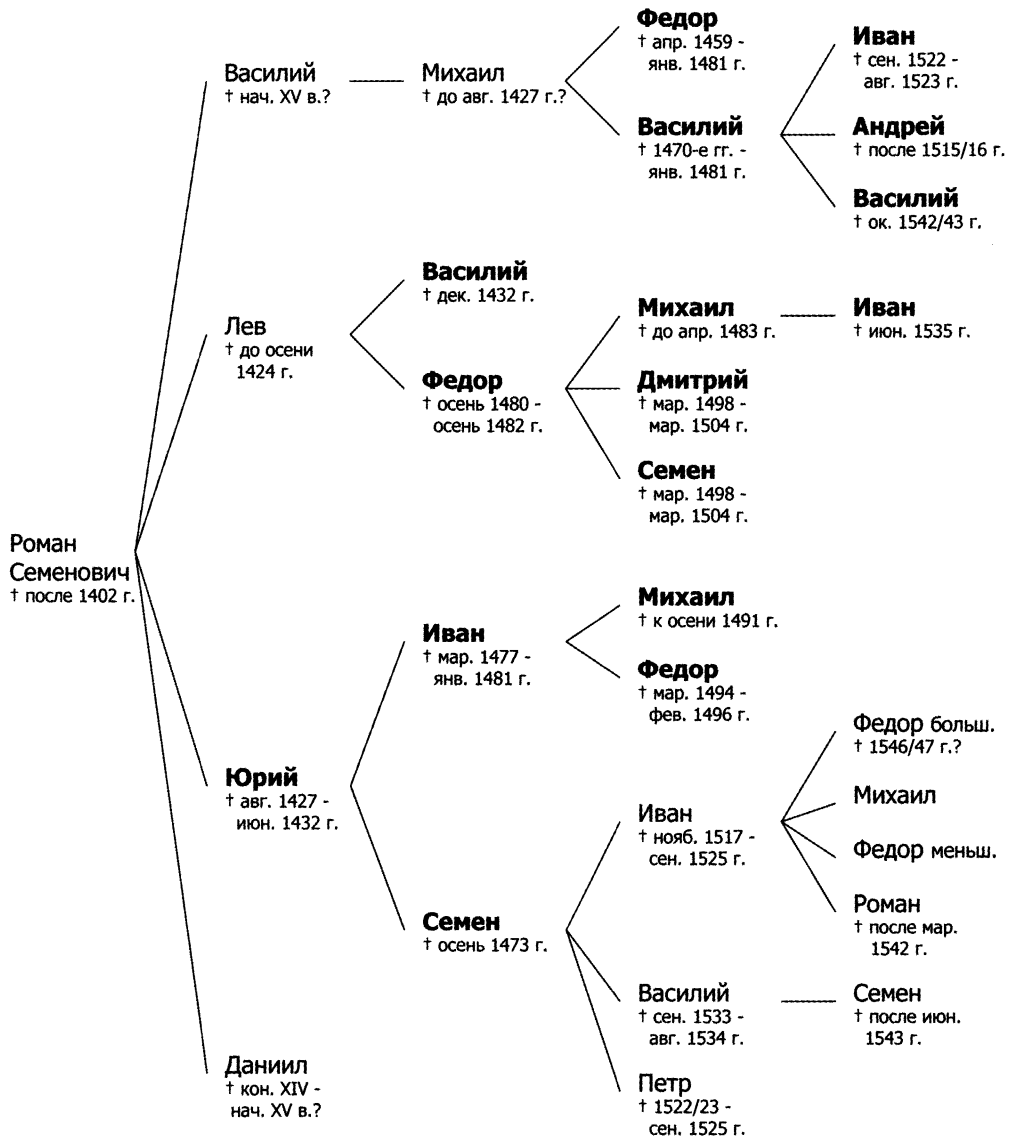
⁷⁵ Память о прежнем подчинении Евфимию Брянской епархии сохранялась в Суздале еще долгое время. Согласно Ермолинской летописи, в начале 1485 г. был *поставлень Суздалю епископ Нифонтъ, архимандритъ Симановский, а брянскои владыка сидель в Суздале и скончася*, *жг. PSRL, t. 23*, Москва, 2004, р. 184. Далее в подчинении суздальских владык до 1672 г. сохранялась сложившаяся таким образом территория епархии и титул „епископ суздальский и тарусский“. По свидетельству ключаря Суздальского собора А. Федорова (1846 г.), „в Суждальской епархии много лет были грады: Торуса, Колуга, Оболенск, Алексин, Ярославец Малой, Тульская припись и протчия“, *жг. А. Федоров*, „Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. О построении и о именовании его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о протчем к тому потребном ради любопытных, собранное из различных показаний в кратце“, *Временник Императорскаго общества истории и древностей российских*, кн. 22, II (Материалы), Москва, 1855, р. 71, 111. Эти сведения нуждаются в уточнении.

мог качнуться совсем в другую сторону. Так, с 1450-х гг. белёвская княжна Евпраксия Михайловна была замужем за князем Василием Ивановичем Оболенским – верным сподвижником Василия II⁷⁶. Поэтому для белёвских князей выбор в пользу Литвы был совсем не очевиден. Ничего неизвестно о заключении договора по *Витовтову докончанию* между князем Семеном Юрьевичем Одоевским (младшим братом князя Ивана Юрьевича) и Казимиром. Как следствие, к 1473 г. князь Семен Юрьевич оказался на службе у великого князя московского⁷⁷. Очевидно, в начале 1459 г. в условиях надвигавшегося раскола митрополии Киевской и всея Руси ненадежность положения части князей новосильского дома на литовской службе составляла серьезную проблему. Судя по их сложносоставным титулам, в рамках единого Новосильско-Одоевского княжества помимо своих уделов они имели совместные владения. Их физическое разделение без кровопролития не представлялось возможным. Поэтому следует полагать, что новая политика Казимира в отношении князей новосильского дома была не случайной. Должно быть, желая избежать новых политических и военных столкновений с Москвой в верховьях Оки, он решил гарантировать привилегии *Витовтова докончания* князю Ивану Юрьевичу Одоевскому и его белёвским племянникам, приняв их на литовскую службу отдельно от князя Федора Львовича Воротынского. Этот шаг Казимира был заблаговременным и, видимо, хорошо продуманным.

⁷⁶ *Редкие источники по истории России*, d. 2, p. 112–113; Р. А. Беспалов, „К вопросу о терминах «верховские князья»“, p. 32–33.

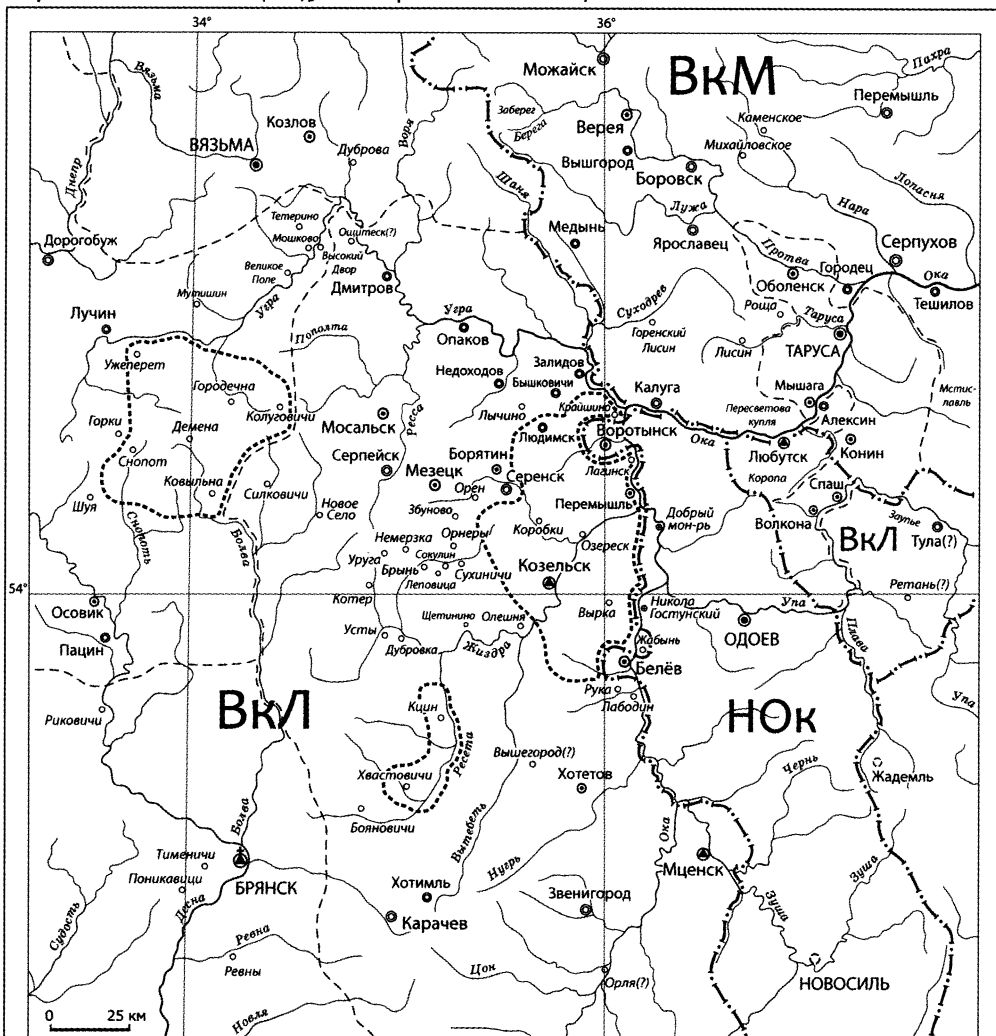
⁷⁷ *PSRL*, t. 18, p. 247; *SIRIO*, t. 35, p. 5, 8, 50.

Князя новосильского дома XV - первой половины XVI вв. *

* Жирным выделены князья, когда-либо находившиеся на литовской службе.

Верхнее Поочье в конце 1450-х - первой половине 1460-х гг.

● ОДОЕВ - столицы княжеств	— · — · —	- границы государств
○ Веряя - центры княжеских уделов	- - - - -	- внутренние границы областей и удельных княжеств
⊙ Мценск - центры литовских наместничеств	⋯ ⋯ ⋯	- литовские «пожалования» князьям новосильского дома
● Карачев - города	ВкЛ	- Великое княжество Литовское
○ Демена - центры волостей, села	ВкМ	- Великое княжество Московское
○ Жадемль - запустевшие места	НОК	- Новосильско-Одоевское княжество
Орля(?) - населенные пункты с предположительной локализацией		

THE LITHUANIAN–ODOYEV TREATY OF 1459: REASONS AND
CIRCUMSTANCES SURROUNDING ITS SIGNING*Roman A. Bepalov*

Summary

The Lithuanian–Odojev Treaty of 1459 was based on the so called Vytautas' Agreement and as such may be viewed as the prolongation of the Lithuanian–Novosil Treaty signed in 1427. According to Vytautas' Agreement the princes of the House of Novosil were ensured the right to be rewarded with Lithuanian cities and volosts for loyal service to the Grand Duke of Lithuania. Such rewards resulted in considerable income for the princes. The Treaty also covered terms and conditions under which it could be prolonged (or renewed) in case of one of the parties' death. In 1432 the Treaty split into two – Lithuanian–Odojev and Lithuanian–Vorotynsk. Following the split the validity of Vytautas' Agreement was extended to the very end of the 15th century. However, in 1442 the Grand Duke of Lithuania Casimir renewed the Treaty only with Fyodor Vorotynsky, the senior prince of the House of Novosil. For some time junior relatives of the prince of Vorotynsk were deprived of such privileges yet strove for them. By the late 1450s – early 1460s due to the cleavage between the archdiocese of Kiev and All the Rus' and the geopolitical situation in the northeast of Bryansk diocese (on the Upper Oka) part of the local princes and clergy began to gravitate towards Moscow. It is possible that the situation induced Casimir to make some concessions to Prince Ivan Odojevsky and his Belyov nephews and to conclude a treaty based on Vytautas' Agreement with them. This measure helped the Grand Duke of Lithuania prevent the political split inside the House of Novosil and persuade the princes to remain in their service in Lithuania.